

RU

Особенности рецепции «онегинского текста» в литературном процессе XXI в.

Гудкова С. П., Раужина А. М.

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию специфики развития «онегинского текста», изучению характера его рецепции в русской поэзии последних десятилетий. Целью исследования является определение особенностей развития и трансформации сюжетов и мотивов «онегинского текста» в современном литературном процессе. Научная новизна состоит в том, что впервые современные поэтические переработки «Евгения Онегина» А. С. Пушкина осмысливаются в заявленном аспекте, что позволяет расширить представление об их проблемно-тематическом своеобразии и композиционных принципах, а также определить место поэтических «перепевов» в литературном процессе XXI в. В результате, во-первых, установлено, что появление большого количества «онегинских текстов» обусловлено желанием поэтов отойти от клишированного восприятия классического образца и осмыслить современность сквозь призму пушкинского романа в стихах. Деконструируя жанровый канон пушкинского произведения, современные авторы создают травестийные тексты, «перепевы», пародии на классический сюжет, где знаковый герой становится маркером современной эпохи. Во-вторых, авторы XXI в. пишут фанфики с целью обратить внимание на творческую личность создателя текста, сделать его популярным в сети Интернет; в-третьих, появление «онегинских текстов» обусловлено рефлексией по поводу несовершенств дня сегодняшнего в противовес классической картине мира.

EN

Features of the “Onegin text” reception in the literary process of the 21st century

Gudkova S. P., Rauzhina A. M.

Abstract. The present article is devoted to the study of the specifics of the “Onegin text” development in the modern literary process, which allows us to determine the nature of the reception of the classical text in the Russian poetry of recent decades. The aim of the research is to study the peculiarities of development and transformation of plots and motifs of the “Onegin text” in the literary process of modernity. The scientific novelty is determined by the fact that for the first time modern poetic revisions of A. S. Pushkin’s novel in verse “Eugene Onegin” are comprehended in the stated aspect, which allows us to expand the idea of their problem-thematic originality and compositional principles, as well as to determine the place of poetic paraphrases in the literary process of the XXI century. As a result, firstly, it is established that the emergence of a large number of the “Onegin texts” in the modern literary process is caused both by the desire to move away from the clichéd perception of the classical model and to comprehend modern reality through the prism of the genre of Pushkin’s novel in verse. Deconstructing the genre canon of Pushkin’s work, modern authors create travesty texts, various kinds of paraphrases and parodies of the classical plot, where the iconic hero becomes a marker of the contemporary era. Secondly, it was found that the authors of the 21st century create fanfics in order to draw attention to the creative personality of the creator of the text, to make it popular on the Internet. In addition, the emergence of the “Onegin texts” is due to the desire to reflect on the imperfections of the era, when the classical picture of the world is taken as a reference point.

Введение

Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», созданный в первой трети XIX в., сыграл важнейшую роль в «расшатывании» канонических жанров и становлении нового типа романа в русской литературе. «Энциклопедия» русской жизни, по определению В. Г. Белинского (1948, с. 566), сразу же привлекла к себе внимание современников необычностью формы и содержания. Многие поэты пытались подражать творческой манере

классика, создавали продолжение романа в стихах, дописывая варианты судьбы Онегина. Однако освоение жанрового массива романа в стихах чаще всего становилось непосильной задачей для поэтов и потому шло в разных направлениях. Одни авторы старались представить аналогичный тип героя (Н. Карцов, А. Карамзин, П. Кукольник и др.), другие усваивали особенности онегинской строфы (М. Воскресенский, Н. Муравье), третьи – переосмысливали пушкинскую непринужденную манеру поэтического изложения материала с лирическими отступлениями (А. Полежаев, А. Башилов, П. Волков, А. Северинов, В. Горкуша и др.).

Отметим, что одним из важнейших показателей поэтического резонанса является литературное подражание. Большая часть подражаний роману в стихах А. С. Пушкина ограничивается пассивным восприятием или критическим анализом прочитанного, но нередко оригинал «перекраивался» в соответствии с социальной средой и собственным жизненным опытом поэта. На протяжении XIX–XXI вв. русские стихотворцы пытались создать роман в стихах, подобный пушкинскому произведению, что подтверждается большим количеством существующих поэтических вариантов (*Судьба Онегина*, 2001).

Проблема осмысления «онегинского» текста в русской литературе только начинает привлекать внимание исследователей. Отчасти объяснение популярности жанровой формы пушкинского романа в стихах дают в своих работах И. Н. Розанов (1990), Ю. Н. Чумаков (1983). Пути рецепции «онегинского текста» во второй половине XIX в. представлены Л. В. Грековой (2000). Отдельные наблюдения над жанровой природой романа в стихах в современной отечественной поэзии сделаны С. П. Гудковой (2011). Таким образом, актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью изучения механизмов реконструкции/деконструкции пушкинского текста, а также поэтологических особенностей «перепевов», подражаний, переложений, которые стали активно появляться еще в период написания «Евгения Онегина» и до настоящего времени активно публикуются в интернет-пространстве. Изучение особенностей рецепции «онегинского текста» в современной поэзии обуславливает возможность объективных выводов как об основных тенденциях развития жанра романа в стихах, так и отечественной поэзии в целом.

Теоретическую базу нашего исследования составили, во-первых, работы, посвященные изучению пародии как виду комической стилизации (Гроссман, 1930; Новиков, 1989; Загидуллина, 2004; 2011); во-вторых, труды, рассматривающие рецепцию «Евгения Онегина» в литературе XIX–XX вв. В частности, основополагающими для нас явились выводы об особенностях беллетристической рецепции пушкинского романа в стихах в творчестве русских писателей 1830–1850-х гг. (Грекова, 2000); о специфике нарративной интерпретации классического романа в сетевой поэзии (Дроздова, Петров, 2018); о способах и приёмах интерпретации классического наследия в современной литературе (Загидуллина, 2011; Черняк, 2009); о жанровых доминантах романа в стихах «Евгений Онегин» (Чумаков, 1983).

Материалом исследования явились поэтические тексты А. Сахненко «Евгений Онегин. Версия 2.0. Эксперимент в стихах» (2014. https://vk.com/doc16212260_332002647?hash=F18uDK8VXBoB4cMBjQZBExIF4nP3W7ZmZ0ncCa9sfmP&dl=c3LPAKvRnI8zoFUQB8H8KZhfxyR59MGfbTPInrzdYD), А. В. Савельева «Современный Евгений Онегин» (М.: Прогресс-Традиция, 2018) и антологии «Судьба Онегина» (сост., вступ. ст., коммент. В. и А. Невских. М.: Экост, 2001).

Задачами настоящего исследования стали следующие: рассмотрение вектора развития «онегинского текста» в истории русской литературы; осмысление особенностей трансформации сюжетов и образов классического образца в поэтических текстах последних десятилетий.

Ключевыми методами явились: метод целостного анализа художественного произведения, позволивший проанализировать поэтологические особенности пародийных текстов современных авторов, ориентированных на пушкинский текст; социокультурный, благодаря которому была выявлена специфика отражения реалий современной эпохи в обозначенных текстах; сравнительно-исторический, с помощью которого были сопоставлены современные тексты с романом в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных современной поэзии.

Обсуждение и результаты

Следует признать, что в литературном процессе особо значимую роль играют пародии, «перепевы», подражания. Пародические формы, обращенные к текстам предшественников и современников, выступают как способами литературной критики (Гроссман, 1930, с. 47–48), так и фактами собственно литературоведения. Особенно часто переконструированию подвергается классический литературный пантеон. Восприятие текстов «золотого века» регламентируется со школы – чтение классики становится своеобразной инициацией, переходом во взрослую жизнь с устоявшимся культурным минимумом. С одной стороны, в различных пародийных жанрах, ориентированных на классическое наследие, разворачиваются устойчивые сюжетные традиции, ключевые сцены и появляются знаковые образы, маркирующие их успешное распознавание. С другой – в систему координат привычного помещаются герои иного времени (чаще всего настоящего для автора-пародиста и читателя). Происходит наслоение новой истории на уже известную. Психология массового читателя обнаруживает интерес к образцу, стандарту. Бытование различных форм деконструкций оригинальных произведений – «показатель жизнеспособности классического наследия, его укорененности в национальном сознании» (Загидуллина, 2004, с. 231).

Произведением, рождающим превалирующее количество самоидентификаций эпох, оказывается «Евгений Онегин». Синтетическая природа романа в стихах несет в себе большие композиционно-архитектонические и содержательно-смысловые возможности для трансляции субъективно-авторской точки зрения на события действительности. Деконструкции и достраиванию сюжета роман в стихах подвергается уже в XIX в., сразу после издания. Этому способствовала не только его новаторская форма, но и сам характер публикации: издание глав растянулось на восемь лет, что позволяло героям прочно входить в жизнь читателя.

Одним из первых «примерил форму» канонического романа в стихах Трилунный (Д. Ю. Струйский) в своем водевиле «Онегин и Татьяна, или Прерванное свидание» (1830). Это своеобразное «продолжение поневоле», где происходит совмещение двух творческих пластов – пушкинского и грибоедовского. Произведение подчеркнуло популярность романа, стало демонстрацией писательских способностей через развитие механической «неоконченности» оригинала.

С помощью поэтических переложений классического романа авторы не только акцентируют внимание на своей персоне, но и воссоздают историческую действительность с её острыми вопросами. А. Лякидэ в «Судьбе лучшего человека» (1889) описывает нарождающиеся капиталистические отношения в России, произведение содержит первые открытые заявления о половом равенстве. Онегин здесь путешествует по Сибири с капиталом в поиске золотых приисков, разговаривает (разговор этот занимает самую значительную часть повествования) с женщиной-кавалеристом.

Писатели не используют оригинальный текст как мишень, а даже наоборот – делают оружием для защиты: Д. Минаев («Евгений Онегин нашего времени», 1865) таким образом полемизирует с Д. И. Писаревым. Онегин становится сатирическим портретом Базарова, поскольку критик именно его называет настоящим героем эпохи. Любовная коллизия низводится до абсурдной: главный герой – прокурор, а Татьяна – его подсудимая по делу об отравлении мужа. Повествование стремится к памфлету и служит доказательством невозможности изменения текста под форму и содержание другого времени.

В XX в. продолжается постижение пушкинского текста. Писатели используют его в качестве своеобразного индикатора для отражения пороков и несовершенств окружающей действительности. Онегин становится предприимчивым «торгашом» (Е. Яновский «Кривое зеркало. Евгений Онегин», 1912), пролетарием (Л. Аркадский «“Евгений Онегин” по Луначарскому», 1920), эмигрантом (В. В. Клопотовский «Онегин наших дней», 1923), его внуки оказываются радикальными демократами (В. Руадзе «Внук Онегина», 1911), а сам герой проходит эпоху «оттепели», военное время.

Переносится «Евгений Онегин» и в современное культурное поле. Популярность классического текста поддерживается не только благодаря закономерной самоидентификации эпохи, но и двухсотлетию юбилею поэта, породившему новую волну художественных рефлексий. Так, уже с конца прошлого столетия наблюдается возросшая «пушкинизация», появление «пушкинского мифа», т. е. бытование образа поэта на уровне архетипа. Пушкин становится «личным воплощением России» (Гальцева, 1990, с. 9).

Сегодня, когда происходит «инфляция классики», фонд «золотого века» русской литературы различно вплетается в дигитальную среду (Черняк, 2009, с. 123). Реже авторы вторичных текстов создают полное и непрерывное транслирование судьбы измененного «Онегина», чаще – воссоздают фрагментарные последовательности разной длины. Больше обращают внимание на знаковые сцены: письмо Татьяны и её отвержение, дуэль Онегина и Ленского, последняя встреча Татьяны и Онегина. Обусловлено это тем, что различные деконструкции современной литературы становятся маркерами предельной популярности исходного материала. Они переходят в ярлыки общих представлений о произведениях, предстают «ложными синонимами» (У. Эко) и находят отражение в читательских потребностях перевода с «высокого» на «обиходный» язык (Черняк, 2009, с. 124). Подобное своеобразное сосредоточение памяти о произведении в виде ярлыка приводит к неспособности массового читателя развернуть полностью это сокращение. Оно становится устойчивым определением, говорящей формулой, «синекдохой по отношению» к целому (Загидуллина, 2011). «Анна Каренина» сворачивается до ассоциации с поездом, «Преступление и наказание» – до ассоциативного ряда самого преступления. Таким образом в современном литературном процессе происходит реинкарнация накопленного наследия: популярные тексты следуют по пути сакрализации, установки на серьёзность. В этом случае они становятся оппозицией к маргинальному, а значит уникальному и элитарному – тому, что находится в поиске ответов на вызовы литературного движения и скрытых смыслов нахождения классического в современной реальности (Загидуллина, 2011).

Расцвет нового поколения «послетекстов» «Евгения Онегина» имеет место в исторических условиях новой глобальной рыночной системы. Здесь интересным представляется «перепев» А. Сахненко «Евгений Онегин. Версия 2.0. Эксперимент в стихах» (2014). Автор не дает жанрового разграничения литературного ремейка и обозначает его как «эксперимент в стихах». В широком смысле – это «фанфикшн» (от англ. fanfiction – «творчество поклонников») – явление литературы «в Сети», получившее определение как тексты «по мотивам известных произведений массовой культуры, созданные по большей части непрофессиональными авторами и не претендующие на коммерческую публикацию» (Горалик, 2003). Фикрайтер – обозначение писателя-любителя – может не только производить деконструкцию оригинала, но и создавать продолжения (литературный сиквел), описывать события, предшествующие действию «пратекста» (приквел). Такие произведения становятся не просто фактом филологической игры, но как метатекстовые формирования выходят «за рамки текстовой практики» (Костыря, 2020, с. 13). В эпоху глобального «перекодирования» эта рефлексия по поводу культовых произведений получает большой отклик в массовой культуре. Так, например, по состоянию на январь 2024 г.

на одном из самых популярных сообществ русскоязычного фикрайтерского портала ficbook.net корпус фандома (сообщества поклонников чего-либо в интернет-пространстве) «Евгения Онегина» включает более чем 1100 текстов. Для сравнения: в 2018 г. фикрайтерами было создано около 400 текстов (Дроздова, Петров, 2018, с. 148). Широкое и продолжающееся их распространение свидетельствует о продуктивности пародического использования «золотого фонда» классики для актуальных целей.

А. Сахненко (2014) не ставит цели достичь соответствия оригинальному роману в стихах: «Да, написала по лекалу, / Да, сохранила имена, / Но содержание роману – / Мир наш и наши времена». Отсюда несоответствие количества глав (всего пять) и строф в каждой главе (145). Но, как правило, крайне редко величина пародической переработки бывает тождественна оригинальному произведению. Авторы таким образом деконструируют масштабное в меньшее по объему сочинение, создавая при этом эффект незначительности описываемых событий с помощью литоты. Теперь это не полноценные герои, но лишь их образы, которые способны со своим мироустройством, переживаниями и страстями вместиться в пространство, кратное меньшее исходного (Новиков, 1989, с. 70-71).

А. Сахненко (2014) продолжает традиции первого реалистического романа: сохраняет соотносённость типичных образов с условиями типичных обстоятельств (Онегин – студент МГИМО, его дядя – «новый русский», отец – депутат и бизнесмен); обрисовывает историческую действительность как важнейший фактор формирования среды (место действия переносится в знаковые для истории новой России места, в две столицы – Москву и постолимпийский Сочи); отводит важное место предметному миру, в который заключает большое количество примет времени (культовые кинопродукты, например фильм «Сумерки», сериал «Игра престолов», медиафраншиза «Звездные войны»; известные бренды «десятых»; аллюзии на мемы, вписанные в культурный дискурс молодого поколения эпохи: «Ты – мой профессор Мориарти»; «Мужчина! Он поступит мудро, / Так: “был в сети ** минут назад”»).

Отметим также, что в современном варианте изменяются линии взаимосвязей героев: Татьяна становится сестрой Ленского, а не Ольги (Лариной она будет уже в браке). Её муж оказывается генеральным директором и бывшим армейским сослуживцем отца Евгения. Сам Онегин является типичным предшественником своего времени: учится в МГИМО, театрам предпочитает бары. Татьяна – одухотворенная девушка со шрамом на запястье от книжных страниц, не выделяющаяся внешностью («красотой <...> / Татьяна вовсе не блистала» (Сахненко, 2014)). Увлечение пушкинской Татьяны сентиментальными романами Ж. Ж. Руссо и С. Ричардсона переходит в списки литературы студентки филологического факультета: «Толстой, Камю и Пастернак – / Татьяна суть литературка» (Сахненко, 2014).

Сатирически заостренными становятся персонажи Ленского и Ольги. Теперь Владимир ведет корпоративы, мечтает попасть в мир шоу-бизнеса и параллельно ставит экспериментальные спектакли. Ольга – проводит большую часть жизни за рубежом (до и после описываемых событий), теперь она способна на открытую измену. Подобное использование «высоких» персонажей применительно к «низкой» реальности – бурлескная гипербола. Также автор стилистически снижает трагедийные обстоятельства: приём у Татьяны сменяется походом в клуб, измена Ольги скрывается многочисленным повторением слова *censored* (с англ. «подвергнутый цензуре, запрещенный»), каноничная дуэль превращается в соревнования на гоночных машинах (по ее итогам Ленский оказывается прикованным к инвалидному креслу), письмо Онегина к Татьяне (в ремейке оно членится на несколько SMS-сообщений, где Евгений не вверяет свою судьбу решению Лариной, а намекает на адюльтер и просит её остаться «дня на два, на три» (Сахненко, 2014)) – так появляются и травестийные гиперболы. Таким образом, основным инструментом создания комического эффекта в произведении становится использование гиперболизации примет времени, что приводит к иронической повествовательной манере (Новиков, 1989, с. 74-76). Оригинальный «Евгений Онегин» в данном случае является контрастным фоном, с чьей позиции, позиции идеального, подвергается критике современная действительность. Более того, обращение к фанфику в данном случае становится средством выделения личности автора в интернет-пространстве, обретения популярности за счёт литературной игры с традицией великого предшественника.

Постигают каноничный роман в стихах и писатели. Так, в 2017 г. вышла книга А. В. Савельева «Современный Евгений Онегин». По сути – это метароман, в котором помимо основного сюжета описана писательская мастерская («основные этапы выработки творческой концепции этого произведения – от зарождения смысла до конкретизации окончательного плана» (Савельев, 2018, с. 4)), предпринят анализ уже существующей традиции «пушкинизации» – от творческих переработок Е. А. Боратынского в структуре онегинской строфы («Бал», 1828, «Цыганка», 1831) и М. Ю. Лермонтова («Тамбовская казначейша», 1838) в области архитектоники до пародий Д. Пригова, Э. Дагестанского, стилизаций Т. Г. Кулаковой и А. П. Климая (Савельев, 2018, с. 13, 29).

Подобно Пушкину, автор на протяжении всего повествования оставляет примечания, вкрапляет комментирующие детали, раскрывает суть интертекстуальных отсылок. В примечаниях он представляет и смысл собственных поэтических реминисценций и парафраз, которые точно маркируют описываемое время: например книгу Е. С. Гинзбург «Крутой маршрут. Хроника времен культа личности» («Меня мой крутой маршрут» (Савельев, 2018, с. 91)) как намек на влияние советской репрессивной системы.

Травестийные установки, представленные в этом тексте, как и в большинстве «онегинских», служат главной цели – отразить несовершенства современной автору эпохи, актуализировать «болезни» времени сквозь призму классического образца. В данном случае переосмысливается время «перестройки». Заметим, что автор сразу остраивает свой текст от возможного отнесения к литературной полемике – это филологическая игра, созданная в эпоху постпостмодернизма и погруженная в мир социально-политических катаклизмов конца XX столетия (Савельев, 2018, с. 83).

Повествование иронично расходится с оригинальным текстом: изменяются характеры и сюжетные ходы – все это способствует демонстрации абсурда 1980-1990-х гг. Онегин и Ленский знакомятся при прохождении военной службы. Интересно, что Онегин туда попадает по необходимости («И на два года кончен бал» (Савельев, 2018, с. 115)), Ленский же даже ссорится с отцом из-за собственного желания раньше уйти в армию («Его отец, понеувлюбив / Владимира за самовольство» (Савельев, 2018, с. 255)). Ольга – жена Ленского – выходит за него замуж по расчету. Здесь автором создается пародия на типично драматургическое произведение массовой культуры с мелодраматическим мотивом «роковой любви»: Ольга и Онегин испытывают взаимные чувства, но долгое время им сопротивляются. Измена случается, но если Ольга впоследствии успешно «устраивается» в жизни, то Евгений теряется на фоне перестроечного процесса: «А Женя? Наш чудака остался / В огромном городе – один» (Савельев, 2018, с. 337). Так автором развивается пунктирно намеченная классиком склонность героя к конформизму, отрешенности от событий реальности. Доводит эту линию Савельев до абсурдной: Евгений нового века страдает алкоголизмом и бесосновательно мечтает о лучшей жизни в другой стране.

Даже пушкинская стилизация русского народного творчества в «Песни девушек», которая служила изображению жизни крепостных и символическому отображению переживаний Татьяны, переходит во вставку писателем песни В. Высоцкого «Веселая покойницкая» (её исполняют уже друзья Ленского). Теперь это включение предзнаменует предательство Онегина и Ольги, так как, по Высоцкому, на лицемерное поведение способны все кроме покойников.

Поэтический словарь дополняется неологизмами, жаргонизмами, обценной лексикой. Этот приём расширяет круг действительности, которую описывает автор: появляются новые социальные слои (новые русские), затрагиваются новые социально-экономические и политические особенности (военный конфликт на территории Афганистана, развал СССР, перестройка и т. д.).

Итак, очевидно, что деконструкция Савельева переводит классический текст в сниженный регистр, упрощает его с помощью элементов массовой культуры, гиперболизирует сюжеты и мотивы, превращая их в реализованные формулы мелодраматических произведений. Именно так достигается пародирование самой концепции жизни, создается её ироническое осмысление.

Заключение

Таким образом, в заключение статьи мы пришли к следующим выводам. Анализ произведений, созданных под влиянием «онегинской традиции», показывает, что они представляют собой не самоцель, но средство для достижения определённых задач: «перерождение» классического текста, воссоздание описываемой эпохи со смысловыми переключками, ироническими отсылками и параллелями или же самоидентификация автора, демонстрация собственного творческого потенциала, позволяющего вступить в диалог с классиком русской литературы.

Деконструкции «Евгения Онегина» в литературном процессе XXI в. – это не целостные произведения, развивающие сюжет оригинального текста, а «перепевы» классического образца, в которых представлен авторский взгляд на эпоху. Популярность пушкинского романа в стихах порождает распространённый в современной сетевой литературе жанр фанфикшн. Фанфик А. Сахненко «Евгений Онегин. Версия 2.0» служит не только развлечением, некой литературной игрой, но и помогает читателю развивать воображение. Поэтическая перелицовка известных образов и сюжетов пушкинского романа, соотнесение их со знаковыми реалиями современности заставляют читателя обратиться к классическому тексту, вспомнить его основную сюжетную канву, художественные подробности и детали. При этом доступность текста в сети Интернет позволяет автору обрести популярность в интернет-пространстве.

А. В. Савельев создаёт «перепев» «онегинского текста», в котором форма пушкинского романа в стихах становится наиболее удобной для передачи многомерной картины мира конца XX в. со всеми его несовершенствами и пороками. Современные литературные эксперименты с «онегинским текстом» подтверждают сложность и отчасти практическую трудность в создании оригинального романа в стихах, абстрагированного от формы и содержания классического образца.

Перспективой исследования является дальнейшее изучение специфики освоения «онегинского текста» в творчестве современных авторов, которое, с одной стороны, позволит выявить новые ракурсы в его интерпретации, а с другой – станет весьма продуктивным для понимания особенностей поэтического процесса начала XXI в. в целом.

Источники | References

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3-х т. / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М.: Гослитиздат, 1948. Т. 1.
2. Гальцева Р. По следам гения // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в.: сборник / сост., вступ. ст., библиогр. справки Р. А. Гальцевой. М.: Книга, 1990.
3. Горалик Л. Как размножаются Малфои. Жанр «фэнфик»: потребитель массовой культуры в диалоге с медиаконтентом // Новый Мир. 2003. № 12. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/12/kak-razmnozhayutsya-malfoi.html
4. Грекова Л. В. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и русская беллетристика 1830-х – 1850-х годов: аспекты рецепции: дисс. ... к. филол. н. Псков, 2000.

5. Гроссман Л. Пародия как жанр литературной критики // Бегак В., Кравцов Н., Морозов А. Русская литературная пародия / вступ. ст. А. Цейтлина и Л. Гроссмана. М. – Л.: Госиздат, 1930.
6. Гудкова С. П. Крупные жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980-2000-х годов: дисс. ... д. филол. н. Саранск, 2011.
7. Дроздова А. О., Петров В. В. Нарративные интерпретации романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в русском фанатском сообществе // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2018. № 5.
8. Загидуллина М. Ремейки, или Экспансия классики // Новое литературное обозрение. 2004. № 5 (69).
9. Загидуллина М. Скрытые смыслы русской классики: первое десятилетие XXI века. 2011. <https://rospisatel.ru/konferenzija/zagidullina.htm>
10. Костыря А. В. Метатекстовая практика: сиквелы к романам Джейн Остен // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 2.
11. Новиков В. Л. Книга о пародии. М.: Просвещение, 1989.
12. Розанов И. Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990.
13. Черняк М. А. Классика в кривом зеркале массовой литературы. К вопросу о тенденциях российской словесности XXI века // Studi Slavistici. 2009. Т. 6. № 1.
14. Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман. Новосибирск: Вестник НГПИ, 1983.

Информация об авторах | Author information

Гудкова Светлана Петровна¹, д. филол. н., доц.

Раужина Анастасия Михайловна²

^{1,2} Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Gudkova Svetlana Petrovna¹, Dr

Rauzhina Anastasia Mikhailovna²

^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

¹ sveta_gud@mail.ru, ² rauzhhina23@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.01.2024; опубликовано online (published online): 26.02.2024.

Ключевые слова (keywords): современная поэзия; роман в стихах; пародия, травестия; фанфик; modern poetry; novel in verse; parody; travesty; fanfic.